

XVI $\frac{45}{10}$

1907/1908

1-7

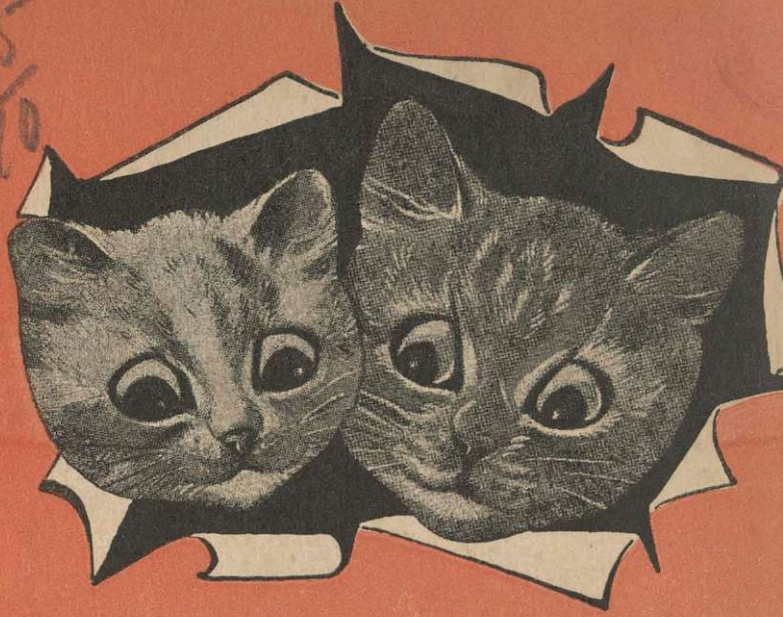

№ 1

НОВАБРЬ

1907.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О СЛОНАХЪ
МОРЯЧОКЪ
РАЗСКАЗИКИ
ОХЪ (СКАЗКА)
ИГРА ВЪ ГУСИ
ШАРАДЫ
РЕБУСЪ

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Праксиноскопъ для склеиванія.
Выкройка костюма для мальчика
отъ 6 до 8 лѣтъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СЛОНЪ КАТАЛЪ ЕЕ ВЪ ЕЯ КОЛЯСКѢ.

О СЛОНАХЪ.

Видали ли вы когда-нибудь слона? Это—громадное, неуклюжее животное съ хоботомъ на мордѣ и съ двумя бѣлыми клыками, торчащими изо рта. Вотъ онъ стоитъ неподвижно у себя въ углу и, кажется, что задумался о чемъ-то, или спитъ. Но вы не думайте, что онъ дѣйствительно такъ неподвиженъ и такъ неуклюжъ. Это—очень ловкое животное. Несмотря на свой огромный ростъ, слонъ такъ мастерски умѣетъ подкрадываться, такъ тихонько пробирается даже по самому непроходимому лѣсу, что его бываетъ совсѣмъ не слышно. При подъемѣ на крутую гору онъ прямо-таки превращается въ лаящее животное, а когда ему приходится спускаться внизъ, то онъ ложится на брюхо и съ изумительной осторожностью начинаетъ дѣлать ногами такія же движенія, какія производитъ человѣкъ, когда плыветъ по водѣ. Слонъ очень любитъ купаться, при чемъ глубоко ныряетъ, плаваетъ, пускаетъ на себя хоботомъ фонтаны воды и переплываетъ большія пространства. Въ жаркую погоду онъ любитъ опуститься на самое дно озера или рѣки и тамъ лежитъ цѣлыми часами, выставивъ наружу только одинъ кончикъ хобота для того, чтобы дышать.

Хоботъ у слона—самая чувствительная часть его тѣла. Онъ его бе-

режетъ такъ же тщательно, какъ мы свои руки, и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ наноситъ имъ удары. Онъ нуженъ ему для того, чтобы ѣсть, пить, нюхать и осязать. Имъ онъ несетъ въ ротъ ѣду, вливаетъ въ горло воду, ломаетъ сучья. И если человѣкъ заставляетъ его таскать тяжести, то онъ хватаетъ кладь хоботомъ сперва за веревку, которою тяжесть обвязана, а затѣмъ уже перекладываетъ ее себѣ на клыки. Хоботъ онъ слишкомъ не затрудняетъ.

Лучше всего у слона развиты слухъ и обоняніе. Малѣйшаго, даже самага ничтожнаго, шороха бываетъ достаточно, чтобы онъ проснулся послѣ крѣпкаго сна. Ни одно животное не можетъ приблизиться къ нему съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ: слонъ сейчасъ-же услышитъ его по запаху.

Слоны живутъ семьями: отецъ, мать и дѣти; часто семьи бываютъ очень многочисленными, состоя кромѣ того еще изъ дѣдовъ, внуковъ и даже правнуковъ. Но каждое стадо слоновъ состоитъ только изъ своей семьи: чужихъ въ нее не пускаютъ. Зато непослушныхъ слоновъ старые слоны иногда наказываютъ тѣмъ, что изгоняютъ ихъ изъ своей семьи и уже больше въ нее не принимаютъ. Такіе изгнанные слоны живутъ одиноко отшельниками, и они-то именно

КНИГА ИМЕЕТ

13

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №.№ вып.	Таблиц	Карт	Иллустр.	Служебн. №.№	№.№ списка и порядковый	197 г.
	1	1907/08 и 1-7					115 <hr/> 74	94

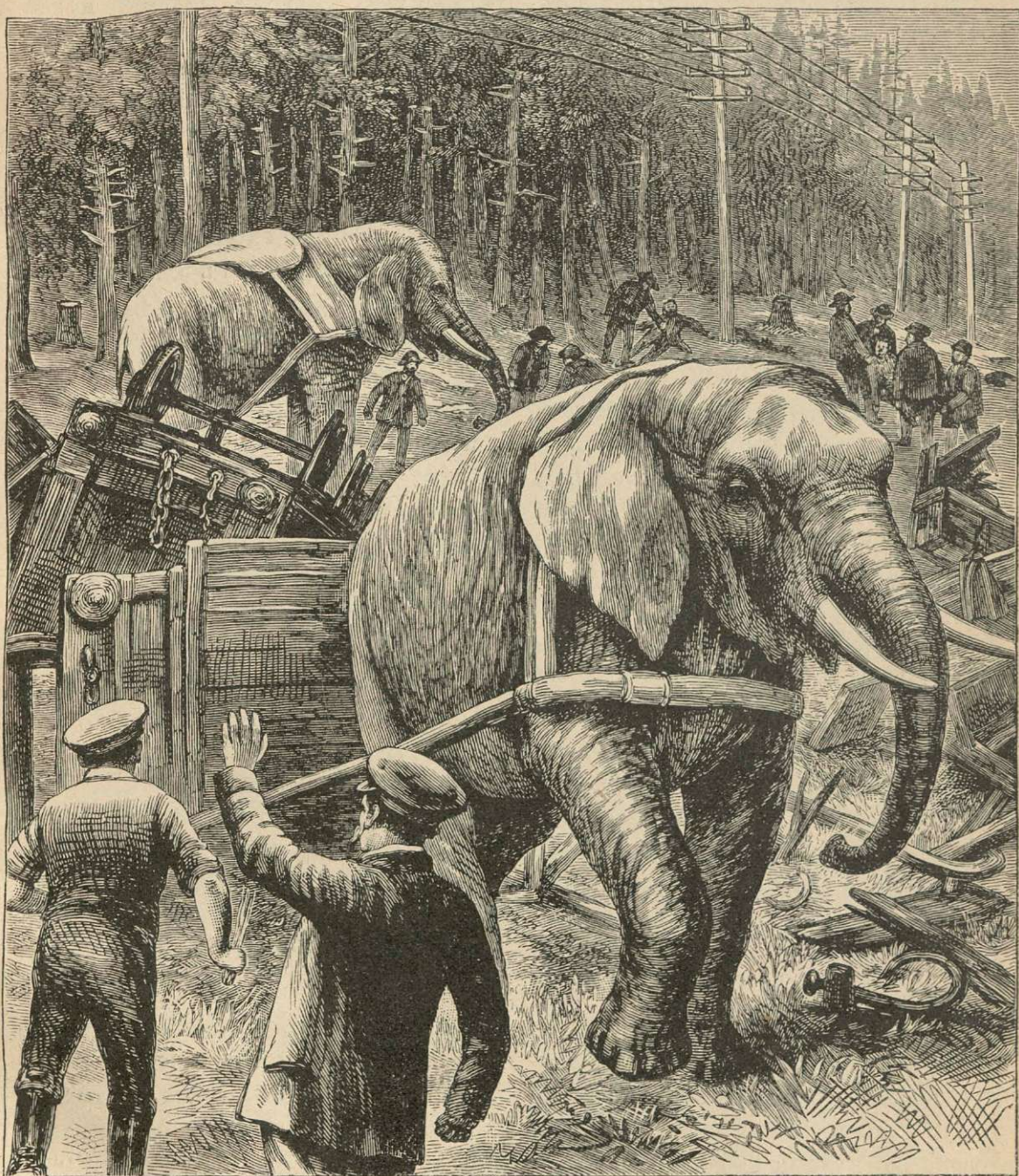
и попадаются большею частью къ намъ въ звѣринцы.

О смыслености слоновъ пишутъ прямо изумительныя вещи. Такъ, очень недавно, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки произошелъ интересный случай. Близъ станціи Дюранъ, въ штатѣ Мичиганъ, столкнулись два поѣзда, на одномъ изъ которыхъ ѣхалъ звѣринецъ. При столкновеніи разбились въ щепы двадцать два вагона, въ которыхъ находились до пятидесяти клѣтокъ съ дикими звѣрями. Клѣтки тоже пострадали и звѣрямъ легко было изъ нихъ убѣжать. Къ несчастію, всѣ люди на поѣздѣ частью погибли при столкновеніи, а частью получили увѣчья и ушибы. И если бы дикіе звѣри воспользовались этимъ и убѣжали изъ клѣтокъ, то ихъ некому было бы удержать и они натворили бы много бѣдъ, разбѣжавшись на станцію и по сосѣднимъ деревнямъ. Въ томъ же поѣздѣ ѣхали и пять слоновъ: Одинъ изъ нихъ былъ убитъ при крушеніи вагона, а четыре другіе отдѣлались только ушибами. Какое же было удивленіе раненыхъ пассажировъ, когда эти слоны вдругъ, точно сговорившись, стали заваливать клѣтки съ дикими звѣрями обломками отъ поѣзда, пока не завалили ихъ совсѣмъ такъ, что звѣри уже не могли убѣжать. А затѣмъ слоны подошли къ наименѣ пострадавшимъ пассажирамъ и знаками стали показывать имъ, какъ ихъ надо запрещъ, чтобы стащить съ полотна желѣзной

дороги повалившіеся вагоны и тѣмъ поскорѣе расчистить путь. Другой случай произошелъ въ провинціи Конго въ Африкѣ въ самое послѣднее время. Тамъ стали проводить шоссейную дорогу для движенія экипажей и моторовъ и съ величайшими трудомъ и затратами едва смогли провести всего только около 450 верстъ шоссе, такъ какъ дорога все время пролежала черезъ заросли и лѣса, которые приходилось вырубать и самыя корни выкорчевывать. Тогда инженеру, проводившему это шоссе, пришла въ голову счастливая мысль поручить подготовительныя работы по прокладкѣ этой дороги слонамъ. Для этого онъ собралъ семью слоновъ въ сорокъ головъ, объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и послалъ ее прокладывать черезъ заросли дорогу. Цѣлой вереницей побѣжали слоны по указанному направленію и не только на многія сотни верстъ очистили дорогу отъ зарослей, выдравъ ихъ вмѣстѣ съ корнями, но даже такъ утоптали дорогу, что не пришлось вовсе засыпать ее камнемъ. Уже давно извѣстенъ еще слѣдующій случай: одинъ солдатъ во время похода, въ которомъ перевозили тяжести на слонахъ, купилъ себѣ орѣховъ и, усѣвшись у слона на головѣ, сталъ разбивать ихъ прямо у него на кожѣ молоткомъ и ѣсть. Слону было больно, но какъ онъ ни давалъ солдату понять объ этомъ, солдатъ не догадался и продолжалъ лущить орѣхи у него прямо на головѣ. Тогда

слонъ затаилъ эту обиду въ себѣ и рѣшилъ отомстить солдату, когда представится къ этому удобный случай. И случай этотъ дѣйствительно вскорѣ представился. Войско проходило черезъ какой-то городъ и отрядъ со слонами шель прямо черезъ базаръ, гдѣ между прочимъ продавали и орѣхи. Тогда слонъ схватилъ хоботомъ у одной торговки съ лотка орѣхъ и такъ ударилъ имъ со всего размаха объ лобъ своего жоака, что толстая кожа у орѣха разлетѣлась въ мелкіе куски. Конечно, солдатъ долго послѣ этого помнилъ, какъ приятно бываетъ животному, когда лущать орѣхи у него прямо на лбу. Въ Нью-Йоркскомъ зоологическомъ саду долгое время былъ большой индійскій слонъ, который исполнялъ обязанности няньки по отношенію къ маленькой дѣвочкѣ, дочери смотрителя. Онъ каталъ ее въ ея коляскѣ и очень любилъ играть съ нею. Еще и раньше, прежде чѣмъ его привезли въ Америку, онъ нянчилъ дѣтей Гайдерабадскаго Низама въ Индіи. Впрочемъ, въ Индіи далеко не рѣдкость видѣть во многихъ городахъ слона, окруженнаго дѣтьми, и надо только видѣть, какъ заботливо онъ смотритъ за каждымъ младенцемъ, чтобы онъ не оступился и не упалъ. Одинъ ученый рассказываетъ, что во время путешествія по Индіи ему пришлось остановиться въ гостинницѣ. Здѣсь у него на глазахъ какой-то индусъ принесъ маленькаго грудного младенца, положилъ его пе-

редь слономъ и приказалъ ему качать его и отгонять отъ него мухъ. Громадное животное исполняло эту работу цѣлые два часа, въ теченіи которыхъ ни одна муха не осмѣлилась сѣсть на ребенка. Насколько слоны любятъ дѣтей—доказываетъ слѣдующій фактъ: одна маленькая дѣвочка въ опредѣленную часть приходила гулять въ Зоологическій садъ и гуляла тамъ около слона въ то самое время, когда онъ обыкновенно ѣлъ. Одинъ разъ случилось такъ, что дѣвочка захворала и не пришла. Тогда слонъ пересталъ ѣсть и издохъ бы съ голоду, если бы дѣвочка не выздоровѣла и не пришла къ нему снова. Точно такъ же слоны чувствуютъ привязанность и къ собакамъ. Въ Массачусетѣ слонъ очень сдружился съ собакой и всегда былъ очень счастливъ, когда она сидѣла около него. Однажды хозяинъ обидѣлся за что-то на эту собаку и наказалъ ее, и слонъ былъ ужасно встревоженъ, когда услышалъ ея визгъ, такъ что пришлось даже его заковать, чтобы онъ не сталъ за нее мстить. Въ другой разъ ихъ обоихъ перевозили на пароходѣ черезъ рѣку. Нѣкоторые изъ пассажировъ, чтобы позлить слона, стали дразнить собаку. Тогда слонъ рѣшилъ отомстить имъ за собаку. Высунувъ хоботъ изъ парохода, онъ набралъ въ него воды и сталъ точно изъ пожарной кишки окачивать ею пассажировъ. Онъ не унимался до тѣхъ поръ, пока не вмѣшались въ дѣло матросы и не пере-

Слоны стали показывать, какъ ихъ надо заперчь, чтобы стащить съ полотна желѣзной дороги свалившіеся вагоны.

вязали ему хобота тряпкой, иначе весь пароходъ былъ бы наполненъ водой.

Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что такія духовныя качества слонъ обнаруживаетъ именно только въ неволѣ. Дико-живущій слонъ отличается скорѣе простотой, чѣмъ смышленостью. «Видѣли ли мы хоть разъ», пишетъ Сандерсонъ, — «чтобы дикій слонъ проявилъ больше смышленности, чѣмъ какое-либо другое животное? Онъ могъ бы прекрасно оградить себя хоботомъ отъ той грубо устроенной ямы, покрытой хворостомъ, которую строятъ африканцы, чтобы его поймать. А между тѣмъ онъ глупо въ нее попадаетъ, при чемъ его товарищи въ испугѣ убѣгаютъ, хотя и могли бы ему легко помочь! Стоитъ только утоптать края ямы и раскидать хоботами хворостъ. Если въ яму попадетъ молодой слоненокъ, то его мать теряется до того, что попадаетъ въ яму и сама. Ей даже и на умъ не приходитъ протянуть своему ребенку хоботъ и тѣмъ вытащить его изъ ямы. И если человѣкъ долго не приходитъ за слоненкомъ, то мать-слониха такъ и не догадывается кинуть своему дѣтенышу хоть какой-нибудь пищи, чтобы онъ не околѣлъ съ голоду. Не смѣшно-ли, что какіе-нибудь два-три негра ухитряются загнать цѣлое стадо слонівъ въ огороженное пространство, куда не позволилъ бы себя загнать никакой другой звѣрь? Вырвавшійся на свободу слонъ опять ловится очень легко и кажется стран-

нѣмъ, что опытъ нисколько его не умудряетъ». Бывали случаи, когда ручной слонъ попросту бралъ дикаго слона хоботомъ за ухо и приводилъ его въ неволю. И у изловленнаго такимъ образомъ слона не хватало сообразительности, чтобы понять, въ чемъ дѣло.

Слоны питаются только растительной пищей. Они ѣдятъ сѣно, траву, фрукты и даже цѣлыя вѣтви деревьевъ, которыя отрываютъ хоботомъ, комкаютъ въ пучокъ и отправляютъ къ себѣ въ ротъ. Ѣдятъ они довольно шумно, поднимая ревъ, тяжело дыша и громко ломая сучья и даже цѣлыя деревья. Въ неволѣ, правда, они болѣе скромны и ѣдятъ тихо и неохотно, предпочитая булки сѣну и фрукты травѣ. Слоны очень любятъ соль и сахаръ. Вообще же, несмотря на неохоту ѣсть въ неволѣ съ аппетитомъ, слонъ сѣдаетъ очень много; одной воды онъ выпиваетъ до 16 ведеръ въ день.

Слонъ былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности. Такъ Дарій еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. сражался на нихъ съ Александромъ Македонскимъ, а Ганнибалъ во время Пунической войны даже перевелъ ихъ черезъ Альпы. Римскіе фокусники обучали ихъ писать грифельмъ цѣлыя слова и фразы, ходить по канату, танцевать очень замысловатые танцы и обѣдать почеловѣчески, вилкой и ножомъ.

Слоны живутъ очень долго. Говорятъ, что они умираютъ только въ

неволѣ, такъ какъ на волѣ почти никогда не встрѣчаются ихъ трупы. Индусы думаютъ поэтому, что слоны живутъ по тысячѣ лѣтъ. Впрочемъ, тоже они говорятъ и относительно попугаевъ: до сихъ поръ не было найдено на волѣ ни одного трупа попугая; если они и околѣвали, то только развѣ въ неволѣ. Конечно, это не значитъ еще, что слоны и

попугаи безсмертны: наоборотъ, ни одно животное и ни одна птица такъ не исчезаютъ теперь съ лица земного шара, какъ слонъ и попугай, и если они и переживаютъ на волѣ цѣлыя поколѣнія людей, то это еще не значитъ, что они, какъ думаютъ индусы, не умираютъ на волѣ никогда, или живутъ по цѣлой тысячѣ лѣтъ.

С. Вершининъ.

МОРЯЧОКЪ.

I.

Тетушка Марья Ивановна сидѣла на крыльцѣ, взяла чулокъ и думала думу.

Былъ теплый, майскій вечеръ. Высокіе тополи, раскидистые каштаны и акации, окружавшіе съ трехъ сторонъ ея старенькій флигелекъ, едва слышно перешептывались между собою отъ набѣгавшаго вѣтерка, а отъ маслинки, широко разбросавшей вокругъ себя свои сѣдя вѣтви и бывшей въ полномъ цвѣту, доносился еле уловимый ароматъ. Вокругъ тополей гудѣли майскіе жуки, подъ вѣтвями стараго каштана тучей висѣли въ воздухѣ мошки, а въ поляхъ пшеницы, начинавшихся сейчасъ же за дворомъ хуторка, раздавались крики перепеловъ. На крышѣ сарая аистъ укладывался на ночлегъ.

— Нѣтъ, видно придется-таки пи-

сать брату... вздохнула Марья Ивановна.—Больше дѣлать нечего...

Думала она на эту тему уже около года, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ умерла ея родная сестра и оставила на ея рукахъ своего десятилѣтняго сына Сергѣя. Каждый вечеръ, садясь на крыльцо и принимаясь за безконечное вязанье чулокъ, она вспоминала все то, что происходило здѣсь годъ тому назадъ, когда ея сестра лежала въ тифѣ, а Сережа учился въ Сумской гимназіи за полтора года верстъ отъ хуторка. При воспоминаніи о томъ времени, она всякій разъ удивлялась самой себѣ: другая на ея мѣстѣ давно бы слегла въ постель; она же успѣвала и ухаживать за больной сестрой, и ѣздить въ Миргородъ за докторомъ и въ Сорочинцы въ аптеку, и по цѣлымъ ночамъ де-

журить у изголовья больной. А тутъ, какъ на грѣхъ, прошлогодній неурожай, платежъ процентовъ за заложенный и двадцать разъ уже перезаложенный хуторъ. Когда же на выздоровленіе сестры не оставалось уже никакой надежды, она сама лично, на плохенькой бричкѣ поскакала въ Сумы за Сережей и, сдѣлавъ на старости лѣтъ триста верстъ въ четыре дня, по возвращеніи домой уже не застала сестру въ живыхъ. Тутъ только, долгое время бодрившаяся и умѣвшая сдерживать себя, она пала духомъ, сразу почувствовала себя одинокой и долго плакала, какъ малое дитя. Послѣ похоронъ настала новая забота: что дѣлать съ Сережей? Оставить его на хуторѣ безъ дѣла—значило загубить его совсѣмъ; снова отправить въ гимназію—не было денегъ и платить за ученье, и содержать его на сторонѣ; отдать его въ Миргородъ въ лавочки—было жалко... Что же дѣлать? Оставалось писать брату...

Съ братомъ Марья Ивановна не видалась уже десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ еще въ хорошія времена поѣхалъискать счастья на Югъ и, женившись тамъ, навсегда поселился въ Таганрогъ,—она не знала о немъ ничего. Кое-когда до нея, правда, доходили слухи, что онъ торгуетъ пшеницей и имѣетъ свой домъ, — и только. Отъ самого же его не было ни слуху, ни духу.

«Написать брату»... думала она, — «можетъ быть, онъ какъ-нибудь при-

строить Сережу, да страшновато: Христось его знаетъ, какъ онъ посмотритъ на это дѣло... А такъ Сережу оставить никакъ нельзя»...

И она при этомъ еще скорѣе перебирала спицами, точно это помогало ей въ ея думахъ.

Такъ она размышляла каждый вечеръ и, наконецъ, въ нынѣшній твердо рѣшила исполнить свое намѣреніе и написать брату о Сережѣ. Крехтя, она поднялась со ступеньки, свернула чулокъ и, сдвинувъ на лобъ очки, черезъ всѣ комнаты прошла въ маленькую гостиную, откуда дверь вела прямо на террасу, выходившую въ садъ. Здѣсь она ползла въ столъ, долго рылась въ немъ и, разыскавъ листъ почтовой бумаги и конвертъ, стала придумывать, о чемъ писать, и, не выдумавъ ничего, вышла на террасу.

— Сережа! крикнула она.—Гдѣ ты?

— Я здѣсь! донеслось откуда-то снизу.

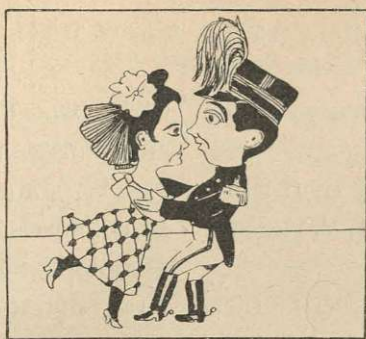
Она сошла со ступенекъ и, нюхая на-ходу розы, направилась черезъ садъ къ рѣчкѣ. Въ саду было мирно и тихо и уже становилось прохладно отъ наступавшаго вечера. Сквозь кусты чуть-чуть виднѣлось что-то красное: это Сережа въ красной кумачевой рубахѣ удиль рыбу. Онъ сидѣлъ на мостикѣ по-турецки и сосредоточенно глядѣлъ на поплавокъ.

— Что, все рыбку ловишь? сказала тетюшка Марья Ивановна и ласково заглянула ему въ самые глаза.— Ну, лови, лови... А я все дяденькѣ

1) Коля отправился на балъ къ сосѣдямъ. Онъ былъ наряженъ въ костюмъ французскаго генерала.

2) На балу онъ много танцовать. Веѣмъ понравился его костюмъ.

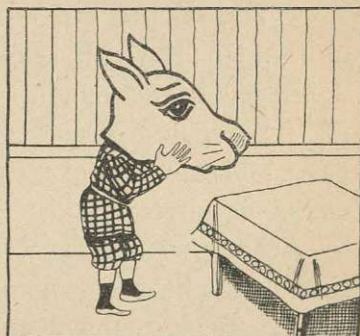
3) И даже сама хозяйка дома поздравила Колю съ успѣхомъ.

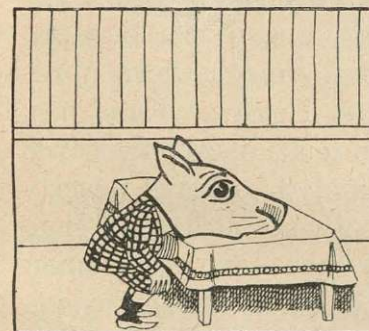
4) Отъ радости Коля даже запрыгать. Успѣхъ вскружилъ ему голову.

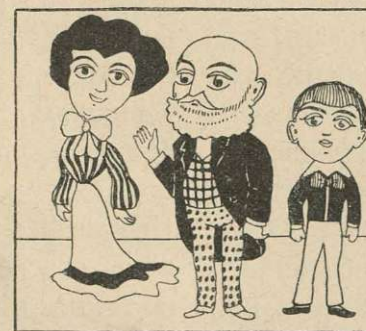
5) И чтобы узнать, не говорятъ-ли о немъ у сосѣдей и на другой день, онъ потихоньку отправился въ ихъ домъ.

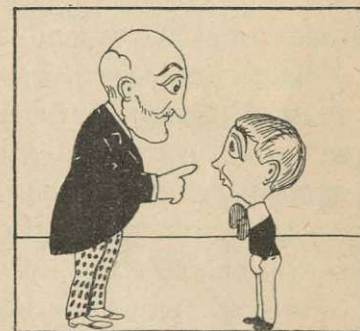
6) Въ одной изъ комнатъ еще отъ вчерашняго дня лежала картонная маска телячьей головы.

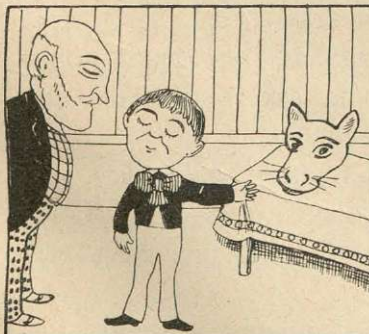
7) Коля надѣлъ ее и спрятался за столъ, чтобы подслушать, что о немъ будутъ говорить.

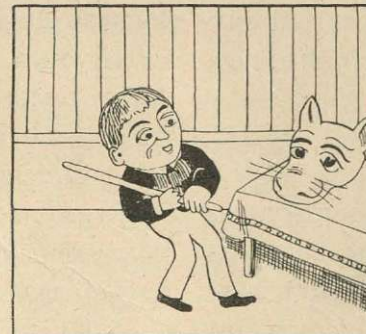
8) Вошли папа, мама и сынъ, у которыхъ вчера былъ балъ.

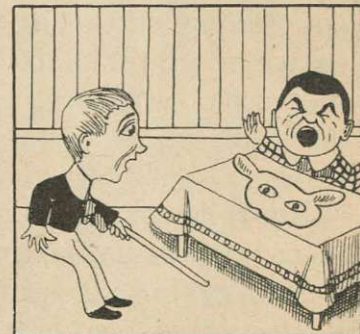
9) Папа сказалъ сыну:—Теперь за дѣло! Довольно уже повеселились. Я не желаю, чтобы ты былъ бездѣльникомъ.

10) — Папа, отвѣтилъ сынъ. — Видишь ты вотъ эту маску телячьей головы, въ которую я былъ вчера наряженъ?

11) Чтобы тебѣ доказать, что я готовъ заниматься дѣломъ, я сейчасъ-же изъ веѣхъ силъ разобью ее палкой!

12) И онъ ударилъ по маскѣ. — Ай-ай-ай! закричалъ вдругъ Коля, которому ударъ пришелся по головѣ. — Не буду! Простите! — И за дѣло: не ходи подслушивать!

думаю написать, да никакъ не придумаю... Хорошо ловится?

— Семь рыбъ поймалъ, отвѣтилъ Сережа.—Вотъ посмотрите, тетя, какого окуня вытащилъ!

И, обнаживъ руку до локтя, онъ полѣзъ ею въ кувшинъ и долго возился въ немъ съ окунемъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ... Послѣ увижу! сказала тетушка и, потрепавъ мальчика по щецѣ, тѣмъ же путемъ выбралась снова на террасу. Здѣсь она еще долго простояла, глядя на потемнѣвшія деревья и придумывая, что написать брату въ Таганрогъ, а потомъ вошла въ гостиную, зажгла свѣчу, сразу написала цѣлое письмо, запечатала его въ конвертъ и свободно вздохнула: точно гора свалилась у нея съ плечъ.

Часовъ въ девять съ рѣвки возвратился Сережа. Тетушка усадила его за столъ, поставила крынку кислаго молока и стала съ нимъ ужинать. А когда послѣ ужина Сережа улегся спать, она потихоньку, чтобы не разбудить его, вышла на цыпочкахъ изъ спальни и, пройдя черезъ весь дворъ къ сараю, кликнула сторожа Филиппа, вручила ему письмо и приказала ему завтра чуть свѣтъ отвезти его въ Миргородъ на почту.

II.

Дней черезъ двадцать тетушка Марья Ивановна получила изъ Таганрога отвѣтъ. Дрожащими отъ волненія руками она стала шарить по комоду, отыскивая очки и, найдя ихъ,

сѣла въ кресло, перекрестилась и распечатала конвертъ. Взволнованный Сережа стоялъ около нея и ожидалъ чего-то страшнаго.

«Любезная сестра Марья Ивановна», дрожащимъ голосомъ прочла она.—«Приношу вамъ глубокую благодарность, что вы вспомнили обо мнѣ и написали мнѣ письмо. Что сказать вамъ относительно нашего племянника Сергѣя? Хотя я и не могу сейчасъ обѣщать вамъ ничего опредѣленнаго, однако же думаю, что дѣло какъ-нибудь устроится, если вы пришлете Сережу прямо ко мнѣ и немедленно. Я, слава Богу, живъ и здоровъ, торгую пшеницей, живу своимъ домкомъ и радуюсь на дѣтей; у меня ихъ трое: мальчикъ и двѣ дѣвочки. Жена же моя, волею Божіею, скончалась годъ тому назадъ и теперь мои дѣти—сироты. Жаль ихъ бѣдныхъ, такъ какъ очень скучаютъ по своей матери, да дѣлать нечего. Противъ судьбы не пойдешь. Еще разъ спасибо вамъ, что вспомнили обо мнѣ и написали. Давно, очень давно не получалъ отъ васъ писемъ. Остаюсь вашъ братъ Федоръ Ивановичъ Тимошенко».

Тетушка Марья Ивановна положила письмо на столъ и стала вытирать платкомъ глаза.

— Спасибо и ему, голубчику, что отвѣтилъ... сказала она.—Дай Богъ ему здоровья... И она еще разъ вытерла глаза.

— Ну, Сереженька, медлить нечего... продолжала она.—Куй желѣзо,

пока горячо. Я ужъ все передумала... Завтра же пошлемъ Филиппа въ Сорочинцы на ярмарку корову продавать, авось рублей сорокъ выручимъ, да и поѣдемъ вмѣстѣ. Одного тебя я не пушу: страшно; да кстати и съ братомъ повидаюсь...

— А скоро мы поѣдемъ? — спросилъ вдругъ обрадованный предстоящей поѣздкой Сережа.

— Какъ продадимъ корову, такъ и поѣдемъ... Море увидимъ; говорятъ, ему и конца-краю нѣтъ... А корабли, говорятъ, тамъ такіе плаваютъ, какъ нашъ домъ... Тамъ, Сереженька, весело жить. Не даромъ твой дядя тамъ остался навсегда.

— А рыба тамъ на удочку идетъ?

— Не то, что рыба, а, говорятъ, цѣлые осетры да стерляди идутъ.

И, запрыгавъ отъ радости, Сережа съ крикомъ: «поѣдемъ! поѣдемъ!» выбѣжалъ въ садъ, а тетушка Марья Ивановна пошла въ хлѣвокъ, гдѣ двѣ коровы жевали сѣно, и долго гладила одну изъ нихъ по шеѣ: старушкѣ жалко было разставаться съ нею. Потомъ она снова возвратилась въ домъ, снова взялась за чулокъ и сѣла по-прежнему на крыльцѣ, но уже думала о другомъ: теперь она мечтала уже о свиданіи съ братомъ и только по временамъ морщилась при воспоминаніи о коровѣ. А Сережа цѣлый день ходилъ, какъ ошалѣлый, и заранѣе увлекался моремъ, кораблями величиною съ ихъ хуторъ и осетрами, которыхъ онъ иначе себѣ и не представлялъ, какъ пойманными

имъ на крючокъ. Одинъ только аистъ по-прежнему оставался спокоенъ.

На другой день рано утромъ Филиппъ повелъ корову на ярмарку и въ тотъ же день вечеромъ возвратился назадъ съ деньгами. Онъ выручилъ за нее сорокъ шесть рублей. На эти деньги тетушка Марья Ивановна рассчитывала проѣхать отъ Кременчуга черезъ Харьковъ до Таганрога по желѣзной дорогѣ, а сто верстъ отъ хутора до Кременчуга — на своей парѣ пѣгихъ старенькихъ лошадей.

Начались сборы, длившіеся около недѣли, и наконецъ въ одно утро хуторокъ опустѣлъ: Марья Ивановна и Сережа выѣхали въ Кременчугъ. Какъ и всякая хозяйка, Марья Ивановна долго не могла оторвать глазъ отъ своего родного хуторка и даже всплакнула. Когда же высокіе тополи утонули наконецъ въ котловинѣ и отъ хуторка не осталось видно уже ничего, она перекрестилась, перекрестила то мѣсто, гдѣ онъ исчезъ, и сказала: — «Ну, оставайся съ Богомъ!»

Около двухъ сутокъ ѣхали они по скучной, однообразной степи и только къ вечеру третьяго дня приѣхали въ Кременчугъ. До отхода поѣзда оставалось только два часа. Марья Ивановна отпустила Филиппа, и напутствовала его всевозможными пожеланіями, а сама, пользуясь временемъ, наняла извозчика и повезла Сережу глядѣть на Днѣпръ. Но пока доѣхали до Днѣпра, уже свечерѣло и кромѣ темной массы воды, да и то

у самого берега, не было видно ничего. Къ поѣзду едва успѣли. Въ попыхахъ вскочили въ вагонъ и, кое-какъ занявъ мѣста, съ трепетомъ стали ожидать того момента, когда тронется поѣздъ: никогда въ жизни они еще не ѣздили по желѣзной дорогѣ. Когда же поѣздъ тронулся, имъ показалась ѣзда въ вагонѣ такой удобной и покойной, что несмотря на тѣсноту и духоту, они, усталые и разморенные, тотчасъ же заснули въ сидячемъ положеніи и этотъ сонъ на голыхъ доскахъ показался имъ въ нѣсколько разъ крѣпче и слаще того, какимъ они спали на телѣгахъ и въ еврейскихъ постоянныхъ дворахъ на пути изъ хутора въ Кременчугъ.

А когда настало утро, они приѣхали въ Харьковъ. Толкотня народа на платформѣ, военные, студенты, дамы, сновавшіе туда и сюда носильщики съ мѣдными бляхами на груди, телѣжки, доверху нагруженныя багажомъ, — все это точно очаровательный сонъ представилось ихъ глазамъ. Протискавшись сквозь толпу, они вошли въ вокзалъ и сразу отступили назадъ. Туда ли они попали? Въ первый разъ въ жизни они видѣли передъ собой такое богатое убранство, такой длинный столъ, уставленный приборами, винами и цвѣтами.

«Для кого все это приготовлено? — подумалъ Сережа. — Должно быть, для губернатора».

До отхода поѣзда имъ оставалось ждать цѣлый день. Отъ нечего дѣлать, они вышли изъ вокзала и по-

чти у крыльца увидали конно-желѣзную дорогу; восторгамъ и удивленію не было конца. Они просто сами себѣ не вѣрили, когда за пяточокъ проѣхали черезъ весь городъ изъ конца въ конецъ. На пути ихъ занимало все: и рожки кондуктора, и прищипка на подъемахъ третьей лошади, и умѣнье пассажировъ на всемъ ходу вскакивать въ вагонъ, и громадные выѣски, висѣвшія на высокихъ трехъ-этажныхъ домахъ. Зашли они и въ магазины, гдѣ Марья Ивановна съ дѣтскимъ любопытствомъ прищипывалась къ товарамъ.

Въ своихъ прогулкахъ они и не замѣтили, какъ прошло время до вечера. Они пришли на вокзалъ усталые до крайности, но очарованные и, сѣвши въ вагонъ, долго не могли уснуть. Когда же настала ночь и всѣ въ вагонѣ улеглись, задремали и они.

III.

На слѣдующій день, въ пятомъ часу, въ далекой синевѣ степи передъ ними уже мелькнулъ Таганрогъ. Сережа видѣлъ передъ собою только блестящія вдаль двѣ главы церкви и много зелени, но никакъ не могъ разглядѣть, гдѣ море, гдѣ корабли величиною съ ихъ хуторъ и гдѣ домъ дядюшки, который почему-то казался ему такимъ большимъ, что могъ-бы быть видѣнъ за нѣсколько верстъ.

— Тетенька, да гдѣ-же море? то и дѣло спрашивалъ онъ у тетки. — Гдѣ корабли?

Тетушка Марья Ивановна и сама искала ихъ, но никакъ не могла найти.

«Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они?» раздумывала она.— «Вѣдь море не иголка, сразу увидишь!»

И она стала уже сомнѣваться въ подлинности тѣхъ толковъ, которые достигали до нея въ ея полтавскомъ хуторкѣ.

Но вотъ поѣздъ круто поворачиваетъ влѣво и въѣзжаетъ въ цѣлую сѣть рельсъ, по дорогѣ попадаются цѣлыя вереницы товарныхъ вагоновъ, локомотивы, водокачки, почернѣвшее отъ дыма депо, стрѣлочники и, наконецъ, въ окнахъ мелькаютъ уже столбы крытой платформы вокзала, жандармы, начальникъ станціи и толпы встрѣчающихъ и провожающихъ. Раздается свистокъ и поѣздъ останавливается. Пятисотъ верстъ какъ не бывало!

Полчаса спустя они уже ѣхали по улицамъ, обсаженнымъ акаціями, рядами тянущимися вдоль тротуаровъ. Акаціи цвѣли бѣлыми гроздьями и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стоялъ ароматъ. На улицахъ движенія не было, на окнахъ были опущены жалюзи и закрыты ставни и, казалось, весь городъ спалъ. Они и не знали, что въ жаркіе дни вплоть до самаго вечера въ южныхъ городахъ затихаетъ жизнь и только къ вечеру поднимаются жалюзи, открываются окна и люди выходятъ на воздухъ. Проѣзжая улицу за улицей, вдыхая въ себя ароматъ акацій и кое-гдѣ еще не отцвѣтшей сирени и

видя передъ собой дома, покрытые черепицей и заснувшіе отъ зноя, Марья Ивановна и Сережа думали, что они заграницей.

Но вотъ и улица, на которой живетъ Ѳедоръ Ивановичъ, вотъ и его домъ, маленькій, низенькій, въ три окна, весь заросшій деревьями и кустами. Извозчикъ остановился у воротъ, а Марья Ивановна съ трепетомъ толкнула калитку. Калитка оказалась запертой. Она дернула въ звонокъ и вдругъ цѣлая стая собакъ съ лаемъ бросилась къ воротамъ.— «Ну, вась!» раздался чей-то голосъ по ту сторону забора.— «Ишь, разлаялись! Пошли на мѣсто!» И вслѣдъ затѣмъ калитка отворилась и въ ней показалась полная женщина съ сѣдыми волосами.

— Здравствуйте, сказала она.— Вамъ кого?

— Здѣсь Ѳедоръ Ивановичъ живетъ? спросила Марья Ивановна.

— Здѣсь... А вамъ на что?

— Можно ихъ видѣть? Скажите имъ, что полтавскіе родственники къ нимъ пріѣхали!..

Женщина сразу преобразилась.

— Ахъ, родненькіе!.. заговорила она.— Да пожалуйте-же къ намъ скорѣй! Побѣгу, Ѳедору Ивановичу скажу!

И она чуть не бѣгомъ бросилась черезъ весь дворъ и скоро вмѣсто нея выбѣжалъ господинъ съ сѣденькой бородой и съ добрымъ лицомъ. Это былъ самъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Голубушка моя! воскликнулъ онъ, раскрывая руки для объятій.—

Милая моя! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Марья Ивановна заплакала и бросилась брату на грудь. Изъ дома выскочили двѣ дѣвочки и гимназистъ, бросились къ Сережѣ, схватили узелки, которые онъ держалъ, уставшія лаять и сообразившія, въ чемъ дѣло собаки, визжали и ласково виляли хвостами, а женщина, отворявшая калитку, все время хваталась то за уzelъ, то за чемоданъ и все приговаривала:—

— Ахъ, Господи!.. Охъ, батюшки!..

— Да будетъ тебѣ ахать и охать! обратился къ ней Федовъ Иванычъ.— Поди-ка лучше, няня, столъ поскорѣе накрой!

Няня съ узлами побѣжала впередъ, а счастливая отъ радушнаго приема Марья Ивановна, окруженная семьею брата и все еще растроганная до слезъ, отправилась въ домъ и не вѣрила, что она у брата.

Столъ былъ накрытъ на дворѣ подъ большимъ укxуснымъ деревомъ въ кружкѣ, образуемомъ кустами розъ, сплошную уcъянными цвѣтами. Суетясь и бѣгая, насколько ей позволяла ея полнота, няня уcтвила столъ чѣмъ Богъ послалъ, принесла самоваръ и заварила чай, а двѣ дѣвочки нарвали букетъ изъ розъ и поставили его въ комнатѣ, отвѣденной для гостей. А когда пообѣдали и запили обѣдъ чаемъ, то Федоръ Ивановичъ обратился къ гимназисту:

— Николенька, сказалъ онъ,—

ты-бы поводишь Сережу по городу, показаль ему море, каменную лѣстницу! До вечера еще успѣете!

Николенька и Сережа вскочили изъ-за стола, насилу нашли свои фуражки, которыя со встрѣчей куда-то затерялись, и побѣжали гулять.

На городъ спустился нѣжный, теплый вечеръ. Вездѣ открылись окна, отворились тяжелыя ставни и на тротуарахъ появилась публика. Въ воздухѣ еще гуще скопился ароматъ отъ бѣлыхъ акацій, по временамъ мѣшавшійся съ запахомъ маслинъ и розъ, доносившимся изъ чьего-нибудь палисадника.

И вотъ Сережа у моря. Громадная каменная лѣстница, саженъ на семьдесятъ, тянется передъ нимъ внизъ до самаго моря, направо виднѣется лѣсъ мачтъ, тамъ и сямъ мелькають паруса и горизонтъ едва замѣтной линіей красноватаго берега отдѣляетъ небо отъ воды. Все это покрыто лучами заходящаго южнаго солнца и кажется Сережѣ чѣмъ-то чужимъ, не-русскимъ, точно за-границей. По каменной лѣстницѣ Сережа и Николенька спускаются внизъ и берегомъ идутъ къ кораблямъ. Мимо нихъ, шипя и свистя, проходитъ товарный поѣздъ и едва только они подходятъ къ пристанямъ, какъ начинается отваливать большой черный пароходъ. На пароходѣ и на берегу махають платками и откуда-то издалн доносится пѣніе нѣсколькихъ голосовъ: это рабочіе притягивають баржу къ берегу.

Такъ вотъ оно море, вотъ они пароходы, которые такъ хотѣлось видѣть Сережѣ!

И онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на нихъ и все это казалось ему сномъ и не хотѣлось вѣрить, что онъ дѣйствительно уѣхалъ такъ далеко отъ родного хутора и теперь стоитъ на берегу и самъ, своими глазами, видитъ всю эту картину.

IV.

Прошло десять дней. Теплые, ясные дни разомъ смѣнились холодомъ и непогодой. Задулъ рѣзкій сѣверовосточный вѣтеръ, пыль облаками стала носиться по улицамъ, деревья пригибались къ землѣ. До этого ласковое, тихое море, вспѣнилось, заворчалло и сердитыми волнами полѣзло на берегъ. По ночамъ на маякѣ сталъ горѣть красный огонь. Иногда надъ городомъ нависали черныя тучи, разражались громомъ и молніей и въ безпорядкѣ, безъ дождя, уходили. Всѣ тротуары были покрыты слоемъ осыпавшихся цвѣтовъ акацій, въ городскомъ саду прекратились гулянья и каждый вечеръ съ моря доносилось суровое ворчанье волнъ. Сережа не любилъ этого ворчанья. Увидавъ однажды бушующее море и еле держась отъ вѣтра на краю обрыва, онъ испугался этой массы бѣснующейся воды и, такъ еще недавно восхищавшійся моремъ, возненавидѣлъ его отъ всей души.

Въ одинъ изъ такихъ бурныхъ вечеровъ, когда Марья Ивановна, со-

бравъ вокругъ себя дѣтишекъ, рассказывала имъ малороссійскія сказки, въ комнату вошелъ запоздавшій Ѳедоръ Ивановичъ. Онъ помолился на образа, перецѣловалъ всѣхъ дѣтей и сѣлъ рядомъ съ сестрою.

— Сказки рассказываете? спросилъ онъ.—Ну, вотъ и хорошо! Послѣ матери-то, имъ некому рассказывать: мнѣ не до сказокъ, а няня не умѣетъ... Спасибо вамъ!

— Неначѣмъ, братецъ... отвѣтила она.—Я и сама до смерти люблю съ дѣтьми разговаривать.

Ѳедоръ Иванычъ дождался окончанія сказки и, когда дѣтей уложили спать, онъ подозвалъ къ себѣ сестру и провелъ ее въ кабинетъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами о Сережѣ, сказалъ онъ, усаживая ее на диванъ.—Можете вы меня выслушать?

— Съ удовольствіемъ, братецъ, отвѣчала она и почему-то встревожилась.

— Есть у меня одинъ знакомый капитанъ, началъ Ѳедоръ Ивановичъ,—который весь свѣтъ объѣздитъ на своемъ пароходѣ. Хорошій господинъ, образованный такой... Ну, такъ, вотъ онъ приплылъ вчера въ Таганрогъ,—и сейчасъ ко мнѣ, увидалъ меня на гавани. Начались разспросы, что и какъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что я замолвилъ ему словечко за Сережу. Онъ охотно согласился взять его на пароходъ и обучить его морскому дѣлу. За столъ и за ученье всего по 15 рублей въ

мѣсяць беретъ. Учиться же надо не менѣе пяти лѣтъ.

— Ахъ, братецъ... сказала Марья Ивановна.—Ну, гдѣ-же намъ взять по 120 рублей въ годъ?

— Да ужъ насчетъ этого вы не беспокойтесь, отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ.—Всѣ издержки я беру на себя. А дѣло хорошее, вы не упускайте его... Научится Сережа,—самъ капитаномъ будетъ... Такія деньги загребать начнетъ, что и рукой до него не достанешь. Что же, вы согласны?

— Да какъ-же и не согласиться-то, Господи! Ужъ и вы-то плохого не посовѣтуете!

— Ну, такъ медлить нечего... Завтра въ ночь пароходъ отходитъ, а потому поспѣшите, сестрица... Уложите бѣлье, платье, сапоги, да я еще отъ себя Сережѣ завтра подарю кое-что, и Господь его благословитъ! Хорошій изъ него капитанъ выйдетъ!

На слѣдующій день съ самаго раняго утра начались сборы. Марья Ивановна заботливо укладывала Сережино бѣлье, няня пекла на дорогу пирожки и пышки, дѣвочки и Николенька увязывали для своего пріятели краски, кисточки, бумагу и т. п., а Ѳедоръ Ивановичъ часа четыре переходилъ изъ магазина въ магазинъ, пока наконецъ не купилъ для племянника полного костюма, начинающая отъ сапогъ и кончая фуражкой. Однимъ словомъ во весь этотъ день въ домѣ Ѳедора Ивановича стояла суета.

А между тѣмъ буря не прекращалась. Когда подъ вечеръ Марья Ивановна и Ѳедоръ Ивановичъ повезли Сережу на гавань, пыль по-прежнему цѣлыми облаками носилась надъ городомъ, залѣпляла глаза и темными пятнами ложилась на мокрыхъ отъ слезъ щекахъ Сережи. Деревья метались изъ стороны въ сторону, сбрасывали съ себя цѣлый дождь листьевъ и цвѣтовъ и по небу клочьями ползли обгоняющія другъ друга облака. Плохая была погода!

Но вотъ съѣхали къ морю. Здѣсь было еще хуже: скрипѣнье шкунъ и баржъ, шумъ волнъ, вой вѣтра въ корабельныхъ снастяхъ—все это навело на Сережу страхъ.

— Дяденька, я не утону? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Сереженька... отвѣчалъ дядя.—Такія-ли бываютъ бури!

У берега, мѣрно покачиваясь съ боку на бокъ, стоялъ маленькій рейдовой пароходикъ и дымилъ. Онъ собирался отчаливать отъ берега до рейда и рабочіе, бѣгая по узенькому мостику, поспѣшно нагружали его кулями. На этомъ пароходикѣ Сережа долженъ былъ доѣхать до рейда и тамъ пересѣсть на большой пароходъ «Дельфинъ», капитаномъ котораго состоялъ пріятель Ѳедора Ивановича. Раздался свистокъ. Ѳедоръ Ивановичъ поцѣловалъ мальчика въ голову, а Марья Ивановна прижала его къ груди и долго потомъ крестила. Сережа плакалъ. Онъ не зналъ, куда и за чѣмъ онъ плы-

ПО ПЕРВОМУ СНѢГУ.

ветъ, не зная, чему онъ долженъ былъ учиться и скоро-ли возвратится обратно, и это заставляло его плакать еще больше.

— Ну, Сереженька, прощай! сказали Ѳедоръ Ивановичъ. — Рости большой и будь умникомъ... Слушайся старшихъ и передай капитану вотъ это письмо... Да смотри, въ воду при пересадкѣ не попади! Прощай...

Сережу кто-то ввелъ на капитанскую площадку, приказалъ ему крѣпко держаться за перила и не упасть, и ушелъ. Раздался другой свистокъ, третій и пароходъ, подхваченный волной, какъ мячикъ, отскочилъ отъ берега и, переваливаясь изъ стороны въ сторону, понесся по волнамъ. Сережа крѣпко ухватился за перила и уже не плача, а чувствуя передъ моремъ ужасъ, сталъ смотрѣть на берегъ. Но въ сумеркахъ онъ не увидаль своихъ. Онъ видѣлъ передъ собой только рядъ фонарей на набережной, да разбросанные по горѣ огоньки. А больше онъ не увидѣлъ ничего.

— Сереженька, прощай!.. донесся до него еле слышный голосъ съ берега.

Сережа услыхалъ его и еще крѣпче схватился за перила. Это былъ послѣдній звукъ, который донесся до него съ берега, а далѣе онъ слышалъ только шумъ волнъ внизу и иногда подергивалъ плечами, когда налетавшій шквалъ обливалъ его съ ногъ до головы. Около него мокрый матросъ вертѣлъ взадъ и впередъ

какое-то колесо со спицами и все время не сводилъ глазъ съ ярко освѣщеннаго циферблата. Изъ трубы вылеталъ цѣлый дождь искръ.

Но вотъ гдѣ-то сзади показался красный огонь и далеко отразился на кипѣвшихъ волнахъ. Это зажгли маякъ. Затѣмъ показался цѣлый рядъ огоньковъ впереди. При приближеніи къ нимъ Сережа сквозь темноту увидаль мачты и большіе корабли. Это и былъ рейдъ.

— Есть пассажиры? донеслось съ одного изъ пароходовъ.

— Есть! крикнулъ человекъ, появившійся вдругъ около Сережи.

— Приставай къ баржѣ! донесся снова голосъ.

— Давай конецъ! снова крикнулъ человекъ, стоявшій рядомъ съ Сережей.

Въ этотъ моментъ что-то тяжелое, точно съ неба, упало около Сережи и шесть человекъ, схвативши его, стали тащить за привязанный къ нему канатъ. Это съ большого парохода бросили гирю съ привязаннымъ къ ней канатомъ. Начались крики, суета. Съ «Дельфина» доносилась какая-то неясная команда и маленькій пароходикъ потихоньку сталъ къ нему приставать. Теперь Сережа уже ясно могъ различить въ «Дельфинѣ» большой пароходъ съ массою огней и кучей толпившагося на немъ народа. Пароходикъ присталъ къ баржѣ, доверху наполненной товаромъ, которая бокъ-о-бокъ стояла съ «Дельфиномъ».

— Мостки! крикнулъ кто-то.

— Есть! слышался отвѣтъ.

И рыжій господинъ, тотъ самый, который приказалъ Сережѣ покрѣпче держаться за перила, взялъ его за руку и по узкому мостику свелъ его на баржу, а съ баржи на большой пароходъ.

V.

— Семеновъ, гдѣ капитанъ? спросилъ рыжій господинъ у проходившаго матроса.

— У себя въ каютѣ! отвѣтилъ матросъ и пошелъ дальше.

Рыжій господинъ повелъ Сережу между тюками товара, кучами набросаннаго на палубѣ, вошелъ съ нимъ въ какой-то темный узенькій корридорчикъ, потомъ снова вышелъ изъ него на заваленную товаромъ палубу и по крутой лѣсенкѣ повелъ его куда-то наверхъ. Здѣсь Сережа увидѣлъ маленькій домикъ съ зелеными занавѣсками на окнахъ, а въ домикѣ столъ, большіе круглые часы и шкафчикъ съ бумагами. У стола сидѣлъ бѣлокурый господинъ и что-то ѣлъ.

Остановившись у открытой двери, рыжій господинъ спросилъ, можно-ли войти?

— Входите, входите! пріятнымъ голосомъ отвѣтилъ бѣлокурый.

— Вотъ я мальчика привелъ, капитанъ, сказалъ рыжій господинъ.— Вашъ знакомый, Федоръ Ивановичъ Тимошенко, просилъ меня передать вамъ его съ рукъ на руки.

— Ахъ, очень пріятно... Покажите мнѣ его, штурманъ!

Дрожа отъ страха, Сережа слѣлалъ два шага впередъ.

— Ухъ, какой маленькій! сказалъ капитанъ, оглядывая его со всѣхъ сторонъ.— Сколько тебѣ лѣтъ, карапузъ?

— Одиннадцать... чуть слышно отвѣтилъ Сережа.

— А какъ тебя зовутъ?

— Сергѣемъ...

— Молодецъ! И обратившись къ штурману, капитанъ сказалъ:— Пристройте его, пожалуйста, гдѣ-нибудь во второмъ классѣ, а завтра я улажу для него другое мѣсто.

Сережа вытащилъ изъ кармана дядино письмо, передалъ его дрожащими руками капитану и вмѣстѣ со штурманомъ снова побрелъ по темному корридору и по заваленной товарами палубѣ. На дорогѣ онъ вздрогнулъ: перекинувшаяся черезъ бортъ волна облила его съ ногъ до головы холодной водой и залилась ему за шею.

— Ничего, ничего! сказалъ ему штурманъ и сталъ спускаться съ нимъ куда-то внизъ, точно въ погребъ.

«Куда онъ меня ведетъ?» подумалъ Сережа, дрожа отъ холода и страха.

Дойдя до послѣдней ступени, штурманъ открылъ передъ нимъ дверь и ввелъ его въ большую комнату, со столомъ по срединѣ. По стѣнамъ комнаты въ три ряда тянулись полки, а на нихъ, точно товаръ въ лавкѣ,

лежали люди. Одни спали, вытянувшись во весь ростъ, а другіе, свѣсивъ ноги и закрывъ руками лицо, какъ показалось Сережѣ, о чемъ-то мучительно думали, или-же страдали головной болью. У стола, при свѣтѣ висѣвшей на спиральной проволокѣ лампы, старый еврей, склонившись надъ книгой, читалъ ее вполголоса на своемъ непонятномъ языкѣ. При входѣ Сережи онъ поднялъ голову, долго смотрѣлъ на него и снова принялся за чтеніе.

— Прилягте вотъ здѣсь, Сережа... сказалъ штурманъ, указывая на пустое мѣсто на нижней полкѣ.—Сейчасъ вамъ принесутъ ваши вещи.

И вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ. Вскорѣ матросъ принесъ Сережины подушку и одѣяло, устроилъ ему постель, поздравилъ его съ новосельемъ и тоже вышелъ. Не раздѣваясь, Сережа легъ на постель и долго не могъ уснуть. Онъ слышалъ сбоку, сейчасъ-же за стѣной, злобные удары волнъ о пароходъ, чувствовалъ мѣрныя покачиванія, отъ которыхъ у него холодѣла кровь, и поминутно закрывалъ глаза при видѣ качавшейся изъ стороны въ сторону лампы на проволокѣ. Всякій разъ какъ онъ закрывалъ ихъ, передъ нимъ въ мельчайшихъ подробностяхъ проносились родныя, покинутыя имъ мѣста и люди: и хуторъ, и поля, и Филиппъ, и тетушка Марья Ивановна... Отъ мѣрныхъ покачиваній парохода, отъ которыхъ койка то поднималась, то опускалась, Сережѣ

сдѣлалось дурно. Въ страхѣ онъ вскочилъ на ноги, бросился вверхъ по лѣстницѣ и побѣжалъ по палубѣ, то и дѣло натываясь на невидимые тюки и брусья и хрустя ногами по разсыпанному углю.—«Осторожнѣе, молодчикъ! Въ люкъ попадешь!» крикнулъ ему кто-то, но онъ не слышалъ. Увидавъ дверь въ слабоосвѣщенный корридоръ, онъ бросился въ него и очутился вдругъ въ машинѣ. Черный въ шведской курткѣ машинистъ спалъ сидя прямо на полу и громадныя колеса и рычаги злобно сторожили его сонъ. Сережа прошелъ черезъ машину по узкому мостику, вышелъ снова на палубу и по какой-то лѣсенкѣ взобрался на площадку, всю уставленную скамейками и столами. Отсюда онъ разглядѣлъ и громадную трубу парохода, и мачту, точно маятникъ, медленно качавшуюся передъ нимъ. Желая разсѣяться и тѣмъ избавиться отъ дурноты, онъ ухватился за перила и посмотрѣлъ внизъ: тамъ уже ничего не было кромѣ волнъ. Привезшій его пароходикъ уже ушелъ, баржу разгрузили... Только далеко передъ нимъ горѣлъ красный маякъ и цѣлый рядъ огоньковъ показывалъ то мѣсто, гдѣ должно было находиться Таганрогу. Кругомъ шумѣли волны, иногда вспрыгивая на пароходъ и обливая Сережу съ ногъ до головы. Глядя на нихъ, на качавшуюся изъ стороны въ сторону мачту и то опускаясь, то поднимаясь вмѣстѣ съ площадкой, онъ вспомнилъ,

что тамъ, гдѣ теперь такъ привѣтливо мелькаютъ на горизонтѣ огоньки, тихо и мирно спятъ теперь его родные и не знаютъ о томъ, какъ онъ несчастливъ. И онъ опустилсѣ на скамью и сталъ плакать.

— Бѣдный я!.. всхлипывалъ онъ.— Зачѣмъ меня привезли сюда? Я здѣсь умру!

Кто-то подошелъ къ нему и взялъ его за плечо. Сережа поднялъ голову и узналъ въ немъ штурмана.

— Это вы, Сережа?— спросилъ штурманъ.— Да вы никакъ плачете? Идите-ка лучше спать! Пойдемте, я васъ провожу!

Сережа поднялся съ мѣста и пошелъ съ нимъ въ каюту. Здѣсь уже всѣ спали и только одинъ еврей попрежнему сидѣлъ у стола и читалъ свою книгу.

— Вы далеко плывете?— спросилъ онъ у Сережи.

— Не знаю... отвѣтилъ тотъ.

— Гм... А откуда вы плывете?

— Изъ Таганрога...

— А я изъ Ростова-на-Дону... Должно быть, мы не заснемъ съ вами цѣлую ночь!

Сережа косо посмотрѣлъ на него, влѣзъ на свою койку и долго еще думалъ о теткѣ и о хуторѣ. Онъ все еще никакъ не могъ привыкнуть къ качкѣ, къ ударамъ волнъ о стѣну и къ дурнотѣ. А еврей все читалъ и читалъ...

Только подъ утро Сережа заснулъ, но не надолго. Его разбудилъ ударъ цѣпей о потолокъ и бѣготня по па-

лубѣ. Онъ быстро вскочилъ, выбѣжалъ наверхъ и уже не увидалъ ни маяка, ни огней, ни темноты. Передъ нимъ на горизонтѣ виднѣлись только узенькая, розоватая полоска земли, да два или три корабля.

Пароходъ несся на всѣхъ парахъ.

VI.

Проводивъ Сережу, тетушка Марья Ивановна и Ѳедоръ Ивановичъ еще долго стояли на берегу, стараясь рассмотреть въ темнотѣ удалявшійся отъ нихъ пароходикъ. Сначала они еще различали его по его огнямъ, а потомъ, когда онъ вошелъ въ группу кораблей, стоявшихъ вдали отъ берега на якорѣ и точно такъ-же выставившихъ огни,—они совершенно потеряли его изъ виду и долго еще щурили глаза, чтобы увидеть его снова.

Вокругъ нихъ бушевала непогода. Поднимая пыль и гудя на разные голоса въ снастяхъ шкунъ, стоявшихъ у берега, вѣтеръ гналъ волны передъ собою и дробилъ ихъ на мелкія брызги. Пламя фонарей, тамъ и сямъ разбросанныхъ по гавани, мелькало изъ стороны въ сторону и каждую минуту готово было погаснуть совсѣмъ и только одно электричество, горѣвшее на маякѣ, оставалось спокойнымъ и не мигало. Что случилось съ моремъ? Чего ему надо? На что оно такъ безжалостно разсердилось?

Печальные, понутивъ головы и прикрывая отъ пыли глаза, братъ и сестра пѣшкомъ поплелись домой. Ни

слова не говоря, они стали подниматься по отлогому спуску въ городъ и выйдя на Соборную площадь, все еще не могли успокоиться и стали безъ цѣли бродить по улицамъ и переулкамъ. Какъ-то нечаянно они снова вышли къ морю, но уже со стороны маяка. Остановившись на краю обрыва, они снова стали смотрѣть вдаль, а гдѣ-то далеко внизу подъ ними кипѣло море и доносилось оттуда зловѣщее шипѣнье его волнь.

— Шшш!.. Шшш!..

— Сестрица, вы устали? спросилъ Оедоръ Иванычъ сестру.

— Нѣтъ, братецъ, не устала...

— Посмотрите... Вонъ-вонъ огонекъ! Не видите?

— Нѣтъ, братецъ, не вижу!

— То, должно быть, нашъ морячокъ плыветъ!

— Ахъ, братецъ, какъ-бы онъ не утонулъ! Спаси, Царица Небесная, и помилуй!

— Господь съ вами, сестрица! Чего ему тонуть!

И взявшись подъ руку, они пошли домой. Когда няня отперла имъ калитку, была уже темная ночь и дѣти давно уже спали. Тоскливо поужинавъ, братъ и сестра простились и разошлись по своимъ комнатамъ. Оедоръ Ивановичъ засвѣтилъ лампадку, помолился за Сережу и улегся спать.

«Должно быть, онъ уже приплылъ къ рейду!» подумалъ онъ о племянникѣ, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и заснулъ.

А тетушка Марья Ивановна не спала цѣлую ночь. То ей казалось, что въ комнатѣ слишкомъ душно, то она боялась завыванія вѣтра и шума деревьевъ, то ей представлялся ея Сережа въ ужасномъ, бѣдственномъ положеніи... Раза два съ замираніемъ сердца, и боясь, чтобы кого-нибудь не разбудить, она на цыпочкахъ выходила на дворъ и прислушивалась къ вою непогоды, точно желая въ немъ услышать голосъ Сережи... Она ежилась отъ свѣжаго вѣтра, слышала, какъ кровь стучала у нея въ вискахъ и какъ издалека-издалека доносился до нея шумъ злобствовавшаго моря. Стоя на дворѣ, она невольно сравнивала тишину своего полтавскаго хуторка съ этой безпокойной приморской непогодой и рѣшила во что бы то ни стало завтра же ѣхать домой.

Къ утру вѣтеръ прекратился, разорванные тучи соединились вмѣстѣ и, обложивъ городъ со всѣхъ сторонъ, пролились на него дождемъ. А потомъ снова поднялся вѣтеръ и снова загудѣлъ въ трубѣ и затрепалъ деревья.

Мрачная, съ опухшими отъ безсонницы глазами, тетушка Марія Ивановна стала собираться въ путь. Она быстро увязала узелки, уложила чемоданъ и въ одиннадцать часовъ вышла проститься съ братомъ. Всѣ не ожидали такого ея рѣшенія, вполношились и не повѣрили ей. Но когда она не нашутку послала за извошикомъ, дѣти расплакались, а самъ Ое-

доръ Ивановичъ позвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ ей:

— Сестрина, оставайтесь съ нами навсегда!

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ... отвѣчала она.—Прощайте! Не могу слышать вашего моря, не могу выносить вашего города... Озлобилась я на него! Силь моихъ нѣтъ уже больше!

— Оставайтесь, сестрица... все еще убѣждалъ ее братъ.—Дѣти мои такъ къ вамъ привыкли, вы будете имъ второю матерью!.. Право, оставайтесь!.. Вѣрите мнѣ, я десять лѣтъ васъ не видалъ, а точно прожилъ съ вами всю жизнь...

— Нѣтъ, братецъ, не держите! Уѣду, уѣду, уѣду! И видѣть этого города не хочу!

Федоръ Ивановичъ удивленно посмотрѣлъ на сестру и вышелъ съ нею изъ кабинета.

— Ну, дѣтки, обратился онъ къ плакавшимъ дѣтямъ,—не хочеть ваша тетя оставаться съ нами! Уѣзжаетъ!

И помолившись на образа, онъ обнялъ сестру и самъ проводилъ ее на вокзалъ.

Раздался свистокъ и въ окнахъ сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе замелькали столбы крытой платформы вокзала, вагоны, стрѣлочники, закоптѣлое депо... Услыхавъ подъ собою стукъ колесъ, Марья Ивановна почувствовала себя почти дома, но вспомнивъ, что ее и дома ожидаютъ неприятности съ хуторомъ

и разлука съ Сережей, упала на лавку и разрыдалась, какъ дитя... Она крѣпилась цѣлую ночь и теперь была рада, что расплакалась въ вагонѣ.

Послѣ слезъ ей стало легче. Тоска по Сережѣ и злоба на море, похитившее у нея племянника, мало по малу отлегли у нея отъ сердца. Она выглянула въ окошко, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на Таганрогъ, но онъ уже былъ далеко и только маковка соборной колокольни блестѣла на горизонтѣ.

— Прощай!.. Прощай!.. шептала она, глядя на него.—Придется-ли мнѣ увидѣть тебя еще разъ!

Доѣхавъ до Харькова, Марья Ивановна измѣнила свой путь: она уже не поѣхала на Кременчугъ, а взяла билетъ на Сумы. Въ Сумахъ она наняла лошадей и на четвертыя сутки вечеромъ приѣхала къ себѣ на хуторъ. На хуторѣ все оставалось по-прежнему, но только не доставало Сережи; вмѣсто него на хуторѣ появились новые обитатели: аистъ вывелъ себѣ дѣтей и цѣлые дни училъ ихъ летать надъ конюшней.

И вотъ по-прежнему Марья Ивановна принялась за чулокъ и, каждый разъ, сядя на крылечкѣ, попрежнему начинала думать. Но думала она уже не о томъ, куда пристроить Сережу, а о томъ, какъ бы поскорѣе вернуть его обратно въ хуторъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Чеховъ.

РАЗСКАЗКИ.

Одинъ богатый и вліятельный человекъ, желая увеличить свои владѣнія, отнялъ у своей сосѣдки-вдовы единственный участокъ земли, которымъ она добывала себѣ пропитаніе. На слѣдующій день, когда онъ явился на этотъ участокъ земли, которымъ теперь сталъ владѣть, къ нему подошла несчастная женщина съ большимъ мѣшкомъ въ рукахъ. Глаза ея были полны слезъ.

— Будьте такъ добры, господинъ, обратилась она къ нему, — позвольте мнѣ изъ всей этой земли взять только столько, сколько помѣстится въ этотъ мѣшокъ.

Богачъ улыбнулся.

— Ну, что жъ, бери, отвѣтилъ онъ ей. — Твоя просьба кажется мнѣ забавной.

Вдова тотчасъ-же принялась наполнять землею мѣшокъ. Когда мѣшокъ былъ уже полонъ, она снова обратилась къ господину.

— Позвольте мнѣ еще попросить васъ объ одномъ одолженіи, сказала она.

— О какомъ? спросилъ богачъ.

— Помогите мнѣ поднять на плечи этотъ мѣшокъ!

Никогда не исполнявшій тяжелой физической работы, богатый человекъ отказался исполнить эту просьбу вдовы. Тогда она стала его умолять. Она такъ неотступно просила его,

что онъ наконецъ уступилъ ея просьбамъ. Но такъ какъ онъ не привыкъ ни къ усталости, ни къ трудамъ, то и не могъ поднять съ земли тяжелый мѣшокъ.

— Не могу... сказалъ онъ. — Тяжело!

— Ахъ, господинъ, господинъ!.. покачала головой вдова. — Если одинъ только мѣшокъ земли заставляетъ такъ сгибаться ваше тѣло, то какъ же на томъ свѣтѣ изогнется ваша совѣсть подъ тяжестью всего этого участка, который вы отняли у меня! Бѣдная ваша совѣсть!

Богачъ испугался этихъ ея словъ и возвратилъ ей участокъ.

Два друга, Павелъ и Семень, отправились за море искать счастья.

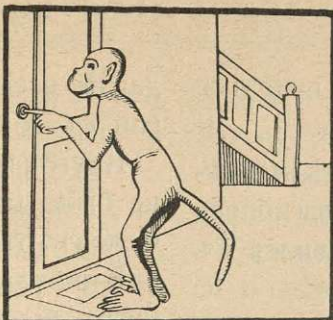
Павелъ купилъ себѣ участокъ земли, совсѣмъ заросшій и дикій, и сдѣлавшись простымъ работникомъ, со всѣмъ пыломъ своей души отдался его разработкѣ. И дѣйствительно, скоро его участокъ сталъ цвѣтушимъ и сталъ производить много хлѣба и овощей.

Семень же отправился въ горы отыскивать золото, находящееся въ пескѣ рѣкъ, текущихъ съ горъ. И здѣсь ему пришлось влачить печальную жизнь: ему нечего было ѣсть и для того, чтобы не умереть съ го-

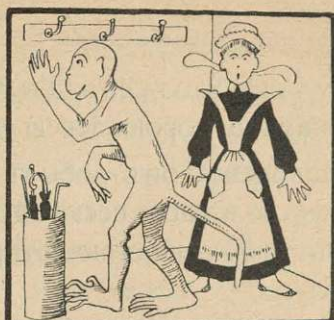

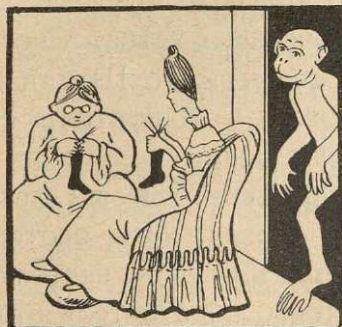
1) Крысинъ собрался къ Мышкинымъ на балъ. Онъ рѣшилъ нарядиться обезьяной.

2) Въ назначенный часъ онъ уже звонить къ Мышкинымъ.

3) Горничная встрѣчаетъ его и въ недоумѣннй пропускаетъ въ комнату.

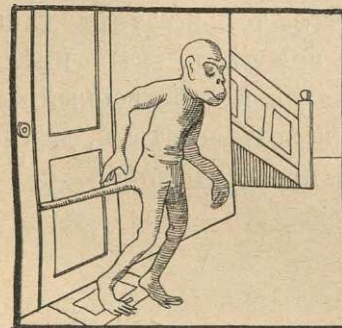
4) Это была квартира двухъ старыхъ дѣвъ, которыя мирно дремали.

5) При видѣ обезьяны онъ вскочилъ и въ испугѣ закричалъ: — Спасите! Помогите!

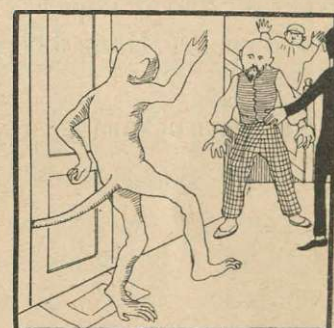
6) Горничная избила Крысина и вытолкала его за дверь. Оказалось, что онъ ошибся этажемъ.

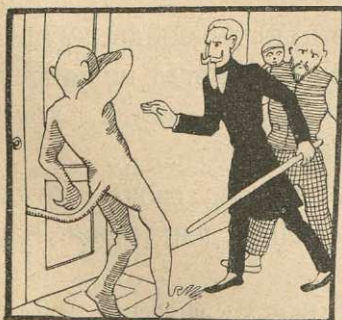
7) Онъ не успѣлъ выскочить и прищемилъ въ дверяхъ свой хвостъ.

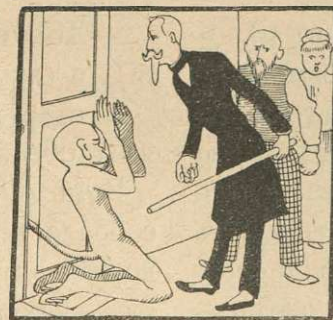
8) Онъ сталъ стучать въ дверь кулакомъ и звонить. Но ему не отпирали.

9) Онъ стучалъ такъ громко, что перепугалъ всѣхъ жильцовъ.

10) Какой-то господинъ замахнулъся на него палкой. — У насъ горилла! закричалъ онъ. — Ее нужно побить!

11) Крысинъ испугался и опустился на колѣни. — Простите... залепеталъ онъ: я больше не буду никогда!

12) Ему не повѣрили и побили его. Теперь ужъ онъ никогда больше не надѣлаетъ хвоста.

лоду, онъ долженъ былъ питаться почками и корою деревьевъ.

Наконецъ, онъ добылъ цѣлый мѣшокъ золотого песка и, изгибаясь подъ его тяжестью, отправился къ Павлу.

— Посмотри-ка, Павелъ, сказалъ онъ ему,—какъ покровительствуетъ мнѣ судьба! Все это золото—мое. Только дай мнѣ, пожалуйста, поѣсть, а то я умираю отъ голода.

— Вотъ отлично! отвѣтилъ ему Павелъ.—Я дамъ тебѣ поѣсть, только съ уговоромъ: все это золото за корку хлѣба ты отдашь мнѣ.

— Что ты, что ты? воскликнулъ Семенъ.—Да знаешь ли ты, что въ этомъ мѣшкѣ золота на цѣлый миллионъ? А твоей коркѣ хлѣба вся и цѣна-то грошъ. Помилосердствуй, дай поѣсть.

Но Павелъ оставался неумолимымъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.—Или от-

давай все золото мнѣ, или же умирай съ голоду.

Кругомъ на нѣсколько сотъ верстъ не было ни одного селенія и если бы Семенъ отправился искать себѣ ѣды гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то умеръ бы на дорогѣ.

Два дня спустя онъ отдалъ все свое золото Павлу и получилъ отъ него кусокъ чернаго хлѣба. А когда онъ былъ уже сытъ, то Павелъ покачалъ головой и возвратилъ ему все его золото обратно.

— Бери-ка, Сеня, всю эту дрянъ себѣ назадъ! сказалъ онъ, протягивая ему мѣшокъ.—Я не настолько жестокъ, чтобы лишать тебя этого сокровища. Я хотѣлъ только тебѣ доказать, что и черезъ золото слезы льются и что только тотъ самый счастливый человѣкъ, кто имѣетъ маленькій, да свой собственный клочекъ земли и хоть черствый, да свой собственный кусочекъ хлѣба.

О Х Ъ.

(Сказка).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жила-была старуха, бѣдная, неимущая. Былъ у нея сынъ, и захотѣлось ей отдать сына въ такую науку, чтобы можно было ничего не дѣлать, сладко ѣсть и пить и чисто ходить. Только кого ни спросить, гдѣ такимъ наукамъ обучаютъ,— всѣ надъ нею смѣются.

— Хоть весь свѣтъ изойди, говорятъ ей,—а такой науки нигдѣ не найдешь!

А старухѣ все неймется, хочетъ сыну образованіе дать.

Вотъ она продала свою избушку, собрала послѣднія деньжонки, и говоритъ сыну:

— Собирайся въ дорогу, пойдемъ искать легкаго хлѣба!

Собрались и пошли. Долго ходили по разнымъ мѣстамъ, нигдѣ старухинаго сына учиться не принимаютъ. Все, говорятъ, трудиться надо, а ей хочется, чтобы вовсе безъ труда. Шли-шли, только видятъ,—чья-то могилка стоитъ. Устала старуха съ дороги, болятъ у нея ноги.

— Сядемъ, говоритъ она, — сынкоу, на могилку, отдохнемъ немного, а то ужъ меня ноги не несутъ!

Стали они садиться, а старуха съ усталости возьми, да и вздохни!—

— Охъ!

Какъ вдругъ земля разступилась и изъ нея, откуда ни возмись,— старецъ явился.

— Чего тебѣ надобно, старуха? спрашиваетъ онъ ее.—Зачѣмъ звала?

Старуха испугалась.

— Что ты, что ты? говоритъ.— Я тебя совсѣмъ не звала!

— Ну, нѣтъ! Ты сказала сейчасъ «Охъ». А я самый Охъ-то и есть! Говори сейчасъ-же, зачѣмъ звала?

Какъ старуха ни отговаривалась, какъ ни старалась отдѣлаться отъ него, такъ и не могла. Пришлось признаваться.

— Веду, говоритъ, сына въ науку отдавать, да только въ такую, чтобы онъ научился сладко ѣсть и пить, чисто ходить и ничего не дѣлать.

А Охъ и обрадовался.

— Отдавай, говоритъ, его мнѣ. Я самый такой учитель и есть. Я на-

учу его всѣмъ такимъ наукамъ, чтобы все имѣть и ничего не дѣлать. Только вотъ уговоръ: приходи сюда ровно черезъ семь лѣтъ и скажи:— «Охъ», я сейчасъ-же къ тебѣ и выйду. Я покажу тебѣ твоего сына и ты должна будешь его узнать. Если узнаешь его, то бери его съ собою и я за ученье не возьму съ тебя ни одной копѣйки, а если до трехъ разъ не узнаешь, то онъ останется у меня навсегда!

Старуха подумала.

— «Какъ не узнать свое родное дѣтище? сказала она сама себѣ.— Ужъ какъ оно ни измѣнится, а все родная мать его узнаетъ».

И, простившись съ сыномъ, она отдала его Оху въ ученье и пошла къ себѣ домой.

Долго было ждать, когда пройдутъ эти семь лѣтъ, да дѣлать было нечего. Перебивалась въ нихъ старуха кое-какъ, да все думаетъ, сынъ скоро ученье кончитъ, тогда богата будетъ. Кончился седьмой годъ, пошла она на могилку къ Оху, присѣла на нее и промолвила:—«Охъ»!

А Охъ ужъ тутъ, какъ тутъ.

— Что, спрашиваешь,—не за сыномъ-ли пришла?

— За сынкомъ, батюшка, отвѣчаетъ старуха.— Уже семь лѣтъ прошло. Пора мнѣ его и домой взять. А то очень ужъ бѣдна я стала.

Тутъ Охъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ и вдругъ вылетѣли двѣнадцать скворцовъ, сѣли всѣ на вѣтку подрядъ и стали щебетать.

— Ну, говоритъ старухѣ Охъ,— угадывай, которая изъ этихъ птицъ твой сынъ?

— Что ты, что ты? отвѣчаетъ ему старуха.— Развѣ здѣсь можетъ быть мой сынъ? Я тебѣ отдавала въ ученье человѣка, а ты мнѣ показываешь на скворца!

Охъ усмѣхнулся.

— Все это люди, а не скворцы, отвѣтилъ онъ ей.— Всѣ они такъ же вотъ, какъ и твой сынъ, искали легкаго хлѣба, да вотъ попали ко мнѣ въ науку и навсегда у меня остались, потому что ни отцы ихъ, ни матери ихъ не узнали. Приходи теперь старуха за сыномъ черезъ три года!

Заплакала старуха, да дѣлать нечего, Оха не переспорить,— и поплелась къ себѣ домой.

Прошло еще три года. Идетъ она опять на могилку и тяжело вздыхаетъ: охъ!

Опять явился Охъ и на этотъ разъ вызвалъ къ ней двѣнадцать голубей.

— Узнавай, который изъ нихъ твой сынъ! обратился онъ къ старухѣ.

Угадывала, угадывала старуха, да такъ и не угадала.

— Ну, приходи теперь опять черезъ три года! обратился къ ней Охъ.— Только уже это будетъ въ послѣдній разъ. Если и тогда не угадаешь, то простись съ сыномъ на вѣки: онъ останется у меня.

Прошло еще три года.

Идетъ старуха за сыномъ въ послѣдній разъ и видитъ—возлѣ трактира лошадь стоитъ, привязана къ забору. И говоритъ ей эта лошадь человѣческимъ голосомъ:—

— Здравствуй, матушка!

Удивилась старуха, что лошадь говоритъ почеловѣчи, да еще ее матушкой называетъ.

— Не дивись, говоритъ ей лошадь.— Я вѣдь и вправду твой сынъ. Хозяинъ пріѣхалъ на мнѣ вотъ въ этотъ трактиръ и теперь сидитъ тамъ чай попиваетъ. Какъ придешь ты къ могилѣ и вызовешь Оха, то онъ кликнетъ къ тебѣ двѣнадцать жеребятъ—всѣ одной шерсти и на одну масть, такъ что одного отъ другого отличить нельзя. Такъ я буду седьмой отъ правой руки и тебѣ ушкомъ шевельну.

Пришла старуха къ могилкѣ, а Охъ уже дома. Кликнула она его, вышелъ онъ къ ней и спрашиваетъ:

— Ужъ не за сыномъ-ли пришла?

— Да, батюшка, за сынкомъ! отвѣчала ему старуха.

Свистнулъ тогда Охъ молодецкимъ посвистомъ и вдругъ выбѣжало двѣнадцать жеребятъ, всѣ похожи другъ на друга какъ капли воды.

— «Узнавай, сказалъ старухѣ Охъ,— который здѣсь твой сынъ? Не узнаешь,— не видать тебѣ его во вѣкъ!»

Отсчитала старуха седьмого справа, а онъ ей и ушкомъ шевельнулъ.

— Это вотъ мой сынъ! сказала старуха.

— Угадала! отвѣтилъ ей Охъ.— Ну, дѣлать нечего, хоть и жалко отдавать тебѣ твоего сына, а бери его!

Взяла старуха сына и пошли они домой.

— Ну, матушка, обратился къ ней сынъ,—теперь можешь водить меня по селамъ и городамъ, по барамъ и по купцамъ и продавать за самую лучшую лошадь. Я такимъ обернусь конемъ, что ты за меня можешь большія деньги взять. Только помни одно: меня продавай, сколько хочешь и кому хочешь, а только уздечки на мнѣ не продавай. Какъ кто у тебя меня купитъ, такъ ты сейчасъ-же уздечку съ меня и снимай. А не снимешь, продашь меня съ уздечкой, то и поминай меня, какъ звали. Больше ужъ ты меня не увидишь никогда!

Оборотился сынъ воронимъ конемъ и повела его мать на ярмарку продавать. Обступили ее со всѣхъ сторонъ купцы, стали коня покушать, одинъ у другого перебиваетъ, одинъ больше другого даетъ. Продала его старуха за три тысячи рублей, сняла съ него уздечку и пошла къ себѣ домой.

— Гдѣ-то мой сынокъ теперь? подумала она по дорогѣ.

— Я здѣсь, маменька! вдругъ услышала она позади себя.

Обернулась старуха. Глядь, а ея сынъ сзади нея бѣжитъ, ее догоняетъ.

— погоди, говоритъ, — маменька! Ужъ очень скоро ты идешь!

На другой день сынъ опять оборотился конемъ и старуха повела

его на ярмарку продавать. И много денегъ они нажили тѣмъ, что она продавала сына за деньги, а онъ оборачивался потомъ въ человѣка и возвращался къ ней снова.

Только однажды повела старуха сына на ярмарку продавать. Какъ вдругъ на встрѣчу ей Охъ, тотъ самый, у котораго учился ея сынъ. А она слѣпа была и плохо его разглядела.

— Продай, старуха, коня!—сказалъ онъ ей.

— Купи! отвѣчала ему старуха.

Сторговалъ онъ у нея коня, уплатилъ ей деньги, и только она хотѣла снять съ коня уздечку, какъ онъ оттолкнулъ ее въ плечо и сказалъ:

— Гдѣ-же это видано, чтобы конь продавался безъ уздечки!

И вскочивъ на коня, онъ взялся за уздечку и поскакалъ:

— Довольно ужъ вамъ обманывать добрыхъ людей! усмѣхнулся онъ, ударилъ по лошади и былъ таковъ.

Тутъ только догадалась старуха, кто купилъ у нея сына. Заплакала она и поплелась домой.

Три дня и три ночи ѣздилъ Охъ на своемъ конѣ. Ужъ онъ его билъ-билъ, прищоривалъ-прищоривалъ, скакалъ на немъ и въ гору и подъ гору и замучилъ его такъ, что конь едва живъ остался. И коня заѣздилъ и самъ утомился. Захотѣлось ему отдохнуть. Вотъ онъ подѣхалъ къ какому-то трактиру и рѣшилъ въ немъ чайку попить. Слѣзъ съ коня и при-

вязаль его къ забору, да такъ туго притянулъ ему голову, что конь едва могъ дышать. Самъ пьетъ чай, гуляетъ, а о конѣ и не думаетъ.

— Случилось о ту пору молодой дѣвушкѣ мимо съ ведрами проходить. Вотъ ей конь и говоритъ человѣчьимъ голосомъ:

— Слушай, умница! Будь добра и будь милостлива! Сними съ меня уздечку!

Удивилась дѣвица, что лошадь съ ней человѣчьимъ голосомъ говоритъ, поставила ведра на землю, сняла съ коня уздечку и пошла своей дорогой.

А конь какъ почувствовалъ свободу, такъ и пустился со всѣхъ ногъ убѣгать.

Увидалъ его Охъ изъ окна и бросился за нимъ въ погоню. Заслышалъ конь погоню, ударился о землю, превратился въ гончую собаку и побѣжалъ еще скорѣе прежняго. Тогда Охъ обернулся сѣрымъ волкомъ, да и помчался вслѣдъ за собакою: вотъ-вотъ настигнетъ, въ клочки разорветъ! Видитъ собака, что смерть на носу, ударилась о сырую землю, оборотилась въ медвѣдя и хочетъ волка душить. Видитъ волкъ, что дѣло плохо, обернулся львомъ и смѣло идетъ на медвѣдя. А медвѣдь себѣ на умѣ: оборотился лебедемъ и полетѣлъ подъ облака. Охъ превратился въ сокола и полетѣлъ за лебедемъ. Долго они летали и сталъ соколъ нагонять лебедя. Вотъ-вотъ ударитъ! Видитъ лебедь внизу рѣка течетъ, упаль прямо на воду, пре-

вратился ершомъ и поплылъ по рѣкѣ. А соколъ сдѣлался щукой, не отстаетъ отъ ерша и все плыветъ за нимъ слѣдомъ. И говоритъ щука ершу:

— Повернись, ершь, ко мнѣ головою, я тебя съѣмъ!

А ершь ей въ отвѣтъ:—

— Нѣтъ, щука, коли ты востра, такъ хватай меня съ хвоста! А съ головы-то меня и всякая рыба проглотитъ!

Плыли они,плыли и видитъ ершь, что на плоту царевна стоитъ и бѣлье моетъ. Вотъ онъ выскочилъ изъ воды, да прямо ей подъ ноги. Обернулся золотымъ кольцомъ и легъ. Видитъ царевна—кольцо.

Подняла его, надѣла на пальчикъ и любитъся.

Нарядился Охъ богатымъ купцомъ, пришелъ онъ къ самому царю и говоритъ:

— Ваша дочь нашла мое кольцо и не отдаетъ!

Разгнѣвался царь, позвалъ къ себѣ дочь и приказываетъ ей отдать купцу кольцо.

Царевна обидѣлась на купца, сняла съ пальца кольцо и швырнула его ему прямо наземь. Кольцо разсыпалось мелкимъ зерномъ и одно зернышко попало царевнѣ прямо въ башмачекъ.

Купецъ обернулся пѣтухомъ, поклевалъ зерна, взлетѣлъ на окно, захлопалъ крыльями и закричалъ:—

— Кукуреку! кого хотѣлъ, того и съѣлъ!

Тутъ выкатилось изъ башмачка царевны послѣднее зернышко, уда-

рилось о землю и сдѣлалось ястребомъ. Бросился ястребъ на пѣтуха и заклевалъ его до смерти. Только перья полетѣли.

— Врешь, говоритъ ястребъ,—не бывало того, чтобы пѣтухъ могъ ястреба съѣсть!

А затѣмъ онъ ударился о землю

и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Царь и царевна такъ и ахнули.

Выдалъ за него царь царевну замужъ и стали они жить-поживать да добра наживать.

(по А. Н. Афанасьеву).

ИГРА ВЪ ГУСИ.

Играющихъ нѣсколько. Изъ нихъ одинъ—матка, другой—волкъ и всѣ остальные—гуси.

Сначала выбираютъ матку, потомъ волка. Выбираютъ такъ: всѣ дѣти становятся въ кружокъ и одинъ изъ нихъ считаетъ такъ:

Колинъ-молинъ,
Чѣмъ подколенъ,
Шитомъ-брытомъ
Подъ корытомъ.
Шисель-вышелъ
Вонъ пошелъ!

На кого выпадетъ слово «пошелъ!»—тотъ и матка. Такъ же выбираютъ и волка.

Послѣ этого начинается игра.

Волкъ отходитъ въ сторону и прячется. Матка выгоняетъ гусей пастись. Гуси пасутся, а матка что-нибудь дѣлаетъ: будто вяжетъ чулокъ или варитъ кушанье и т. п., и наблюдаетъ за дѣтьми издалека. Волкъ начинаетъ давать о себѣ знать: чѣмъ-нибудь постукиваетъ, подаетъ голосъ,

кашляетъ. Заслышавъ его, матка начинаетъ звать гусей:—

Матка. Гуси, домой!

Гуси. Зачѣмъ?

Матка. Волкъ подъ горой!

Гуси. Что онъ дѣлаетъ?

Матка. Гуся щиплетъ сѣраго да бѣлаго! Бѣгите скорѣе домой!

Хлопая руками такъ, точно это крылья, и стараясь не поддаваться волку, гуси бѣгутъ къ маткѣ. Въ это время изъ засады выбѣгаетъ волкъ, хватаетъ одного изъ гусей и уводитъ его къ себѣ.

Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока волкъ не переловитъ всѣхъ гусей.

Тогда матка идетъ ихъ искать. Когда она проходитъ мимо волка, гуси начинаютъ гоготать и хлопать ладонями, подражая этимъ хлопанью крыльевъ.

Матка. Волкъ, волкъ, не видалъ ли ты моихъ гусей?

Волкъ. Нѣтъ, не видалъ.

Матка. А это кто у тебя крыльями хлопаешь?

Волкъ. Это мои дѣти.

Матка. А ну-ка покажи!

Волкъ. Иди, посмотри!

Волкъ показываетъ маткѣ гусей.

Матка. Да вѣдь это мои гуси!

Волкъ: Нѣтъ, не твои! Твои гуси не сильные!

Тогда всѣ гуси сжимаютъ кулаки. Матка должна у каждаго изъ нихъ разжать кулакъ. У кого разожметъ, тотъ опять становится гусемъ, при чемъ матка говоритъ:—«Это мой!» А у кого не разожметъ, тотъ становится маткой, а матка волкомъ.

Волкъ-же дѣлается простымъ гусемъ. Весь секретъ, значитъ, заключается въ томъ, чтобы показать свою ловкость и силу, т. е. сперва съумѣть вернуться отъ волка, а затѣмъ, попавшись волку, такъ сильно сжать кулакъ, чтобы матка не могла его разжать.

Бываетъ такъ, что волкъ не въ состоянii переловить всѣхъ гусей. Тогда тѣ, кого онъ не поймаетъ, опять становятся гусями уже у новой матки.

Скороговорка. Лавироваль корабль, лавироваль, да не вылавироваль.

Загадка № 1. Стоитъ мостъ на семь верстъ, а въ концѣ моста—золотая верста.

ШАРАДА № 1.

По слогу первому мы ходимъ въ башмакахъ,
Его мы красимъ, моемъ и коврами
Стараемся укрыть на тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ намъ приходится ступать ногами.

Вторые-жъ два—найдете вы въ рѣкахъ,

Особенно—въ прудахъ, заросшихъ камышами.

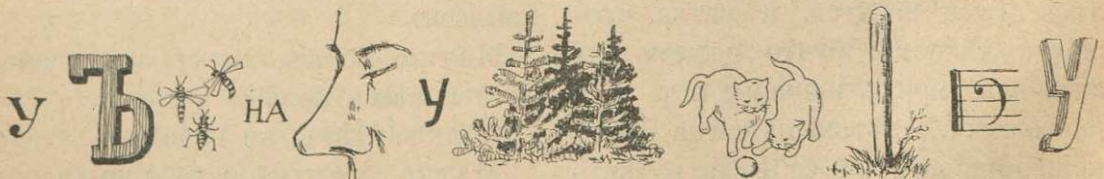
Они совсѣмъ, какъ черная земля.
А вмѣстѣ все—есть часть рубля.

Что это?

Шарада ждетъ отвѣта.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ эту шараду, будутъ напечатаны).

РЕБУСЪ № 1.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ этотъ ребусъ, будутъ напечатаны).